

Возможно, до этого дня лекарь Чжоу понимал слово «головорез» лишь теоретически. Но сегодня он на собственной шкуре прочувствовал, что значит настоящий воин, не дорожащий жизнью.

Человек перед ним был покрыт ранами, в нем едва теплилась жизнь, пульс был нитевидным, но он вел себя так, будто ничего не происходит. Он совершенно спокойно позволял срезать омертвевшую плоть со своих ран и посыпать их лекарственным порошком, успевая при этом напоминать лекарю, чтобы тот даже не думал о хитростях или попытке украсть противоядие.

Лекарь Чжоу, само собой, и не помышлял о таком, дрожащими руками обрабатывая раны. Когда он снял с генерала верхнюю одежду, его взору предстало тело с крепкими мышцами, сплошь покрытое перекрещивающимися следами от плетей. пытки были настолько жестокими, что живого места не осталось: новые раны ложились поверх старых. Вероятно, плети вымачивали в соленой воде — раны почти не затягивались и местами уже начали гноиться.

Больше месяца в темнице — лишь взглянув на его тело, можно было понять, насколько бесконечно долгим был каждый прожитый там день.

Обычный человек на его месте, даже если бы не умер от болевого шока, давно бы лишился способности двигаться. Но этот мужчина, когда на нем была одежда, казался совершенно здоровым — если не вглядываться в лицо.

За долгие годы практики лекарь Чжоу не встречал человека более сурового к самому себе. А ведь говорят: тот, кто беспощаден к себе, никогда не проявит слабости и к другим. Поэтому лекарь ни на секунду не усомнился в том, что его действительно отравили. Ему оставалось лишь смириться: отныне, скорее всего, он будет в полной власти этого человека.

Процесс обработки ран затянулся. Лишь когда верхняя часть тела Хо Уцзю была почти полностью обмотана бинтами, наступила передышка.

— Ваши раны слишком тяжелы, вы потеряли много крови. Когда они начнут затягиваться, неизбежно начнется жар и воспаление. В тяжелой форме это может стоить вам жизни. Я выпишу вам несколько составов для приема внутрь, вам нужно...

Молчавший до этого Хо Уцзю внезапно перебил его.

— Осмотри мои ноги, — произнес он.

Лекарь Чжоу осекся, замер на мгновение, и только потом осознал, о чем его просят. Но прежде чем он успел отреагировать, Хо Уцзю спокойно наклонился: одной рукой он приподнял полы халата, а другой засучил штанину.

Это были длинные, прямые ноги, которые когда-то явно были полны сокрушительной силы. Однако под слоями запекшейся крови и шрамов отчетливо виднелись ужасающие раны, доходящие до самой кости.

Это были следы от лезвий, вспоровших плоть, чтобы перерезать сухожилия и меридианы. Лекарю Чжоу хватило одного взгляда, чтобы в ужасе отвести глаза. Хоть он и был искусен в медицине, он не был чудотворцем. Такие повреждения... Лишь взглянув на них, он понял: медицина здесь бессильна.

Он посмотрел на Хо Уцзю. Глубокие черные глаза генерала спокойно созерцали вывернутую

наружу плоть собственных ног. Это спокойствие пугало лекаря сильнее любых угроз.

— Я еще смогу ходить? — услышал он вопрос Хо Уцзю.

Лекарь Чжоу, дрожа, несколько секунд подбирал слова, прежде чем осторожно ответить:

— Позвольте мне хотя бы перевязать их. Если начнется нагноение, всё станет совсем плохо.

Он деликатно уклонился от прямого ответа, что само по себе было приговором: надежды нет. Хо Уцзю ничего не ответил. Спустя мгновение он лишь коротко хмыкнул, выпустил из рук ткань одежды и снова откинулся на спинку кресла.

Он был пугающе тих. Лекарь Чжоу больше не смел смотреть ему в лицо. Но когда он склонился, чтобы обработать ноги, он заметил руки генерала, лежащие на коленях. Вены на тыльной стороне ладоней вздулись, пальцы были сжаты в кулаки с такой силой, что старые раны на ладонях лопнули и закровоточили.

Сказав ту фразу, Цзян Суйчжоу отчетливо почувствовал, что император доволен. Точнее, императора порадовали не столько слова, сколько выражение недовольства, промелькнувшее на лице принца. Казалось, этот самодур испытывал к нему особую неприязнь и обожал строить свое счастье на чужих страданиях.

После того как Цзян Суйчжоу уступил, инцидент был исчерпан. Император, похоже, мгновенно утратил интерес к государственным делам. Когда еще несколько чиновников попытались выступить с докладами, он слушал их с отсутствующим видом, а потом просто махнул рукой: «Пусть Великий Ситу решит».

Зал собраний окончательно превратился в личную вотчину Пан Шао. Поэтому аудиенция продлилась недолго и закончилась под зевок императора.

Цзян Суйчжоу вышел из зала Гуанъюань вместе с толпой вельмож, плотно сжав губы.

Он и представить не мог, что император явился на совет только ради того, чтобы поглумиться над ним.

Однако теперь было ясно: император ненавидит Хо Уцзю и ничуть не лучше относится к собственному брату. Теперь они с генералом оказались в одной лодке — императору стало куда удобнее срывать злость на обоих сразу.

Опустив глаза, Цзян Суйчжоу шаг за шагом спускался по мраморной лестнице. Он и раньше думал, что попал в безвыходную ситуацию, но не предполагал, что каждый шаг будет даваться с таким трудом.

В этот момент кто-то поравнялся с ним.

— Поступок Вашего Высочества воистину заставляет сердца леденеть! — голос был старческим и полным горечи.

Цзян Суйчжоу поднял взгляд и увидел в паре шагов от себя старого сановника с белоснежной бородой.

Когда тот обернулся, Цзян Суйчжоу на миг оцепенел. «Надо же... портреты в исторических

хрониках оказались так похожи на оригинал!»

Перед ним стоял Ци Минь, глава ведомства императорских ритуалов — едва ли не единственный честный чиновник, доживший до заката империи Цзин. Этот человек служил трем поколениям императоров, славился своей неподкупностью и был одним из немногих, кто осмеливался противостоять Пан Шао.

Цзян Суйчжоу смотрел на него в некотором оцепенении, не зная, что сказать.

Ци Минь же не собирался церемониться. Он бросил на принца презрительный взгляд и, взмахнув рукавом, бросил:

— Как мог Ваше Высочество ради спасения собственного лица так легко отдать плоды трудов своих коллег из Министерства ритуалов в чужие руки!

С этими словами он собрался уйти прочь.

Цзян Суйчжоу пришел в себя. Оказывается, его догадка в зале была верна. Хоть он и казался «праздным принцем», молчаливые чиновники в зале негласно считали его своей опорой. Слова Ци Миня полностью подтвердили это предположение.

Видя, что старик вот-вот уйдет, Цзян Суйчжоу сделал два быстрых шага и окликнул его.

— Тайчан-лин (глава ритуалов) полагает, что я сделал это только ради своего лица? — голос его звучал глубоко и серьезно.

Цзян Суйчжоу понял: в этот момент он не может позволить себе молчание.

У любого политического союза есть цели. Если эти люди тайно сгруппировались вокруг него, и даже такой человек, как Ци Минь, ввязался в это, значит, их цель — борьба с Пан Шао. Ему предстояло прожить с ними бок о бок три года. Если он не успокоит их сейчас, то погибнет в дворцовых интригах раньше, чем Хо Уцзю успеет его казнить.

Поэтому... сейчас нужно было просто запудрить им мозги. Тот же Ци Минь, хоть и был заслуженным старцем, заведовал лишь храмами и церемониями. Должность высокая, но реальной власти мало; к тому же, будучи человеком прямым, он явно не был искушен в подковерных играх. Таких людей легко впечатлить.

И действительно, услышав вопрос, Ци Минь замедлил шаг. Цзян Суйчжоу тут же холодно усмехнулся, принимая загадочный вид.

— Если Великий Ситу сегодня смог открыто манипулировать Его Величеством, чтобы отобрать у меня проект, неужели вы думаете, что завтра у него не хватит сил на что-то похуже? — произнес он. — Строительство родового храма касается предков династии. Если там случится беда, Тайчан-лин, ни вы, ни я не сможем нести за это ответственность.

Ци Минь молчал. Цзян Суйчжоу позволил себе легкую улыбку и, ускорив шаг, прошел мимо него.

— Тайчан-лин, я стремился не лицо свое сберечь, — бросил он на ходу. — Я спасал ваши жизни.

Бросив эту многозначительную фразу, он величественно удалился, не оборачиваясь. Он знал: лучше всего работает недосказанность, заставляющая собеседника самого додумывать смысл. Особенно если собеседник — консервативный старик.

Уже сев в манежную повозку за воротами Кайян, Цзян Суйчжоу украдкой оглянулся и увидел Ци Миня, застывшего у ворот с крайне суровым и задумчивым лицом. «И впрямь повелся».

На губах Цзян Суйчжоу невольно заиграла улыбка. Хотя он и попал в смертельную ловушку, где враги окружали его со всех сторон, находить в этом крупинцы радости... оказалось довольно забавным. Например, запугать великого верного слугу из учебников истории так, что тот старик теперь несколько дней не сможет нормально есть, перебарывая его туманные слова.

Это было странное ощущение. Хоть он и мечтал в своей прошлой жизни быть «тихой рыбой» в стенах университета, история всегда была его страстью. В его родной семье всегда царил хаос: отец, пользуясь деньгами, менял жен чаще, чем машины, детей было много, и у всех разные матери. Дети с малых лет сбивались в стайки и плели интриги, а Цзян Суйчжоу было тяжелее всех — он был у матери один и рос слишком тихим и необщительным.

Пока остальные дети играли в «дворцовые тайны» наяву, он прятался в своей комнате с книгами. Но книги — это лишь слова. А теперь он воочию видел, как люди тысячелетней давности ведут свою игру прямо перед ним. Пожалуй... это действительно интересно. Цзян Суйчжоу всегда умел находить светлые стороны в беде.

С этим приятным чувством он задернул штору и откинулся на подушки. Повозка тронулась. Глядя сквозь колышущийся шелк на проплывающие мимо виды Линьяня, он начал строить планы. С чиновниками нельзя плошать, но важнее всего — Хо Уцзю в его поместье. Он пришел из будущего и знал «спойлеры»: как бы они ни грызлись сейчас, через три года империя падет. Поэтому вступать в смертельную схватку с Пан Шао не имело смысла. Ему нужно было лишь успокоить своих «сторонников» и как-то продержаться эти три года.

Повозка мерно покачивалась, проезжая по широким улицам, свернула в квартал Цинхэ и остановилась перед поместьем принца Цзина. Цзян Суйчжоу сошел на землю и направился к своим покоям в зале Аньинь. Его должность была необременительной, и в дни Больших собраний ему не нужно было идти в министерство. Он хотел поскорее добраться до кабинета, чтобы изучить письма и документы прежнего владельца тела.

Однако у входа в Аньинь дорогу ему преградила служанка, которая выглядела так, будто вот-вот расплчется.

— Ван-е! — судя по изысканному наряду, она была личной горничной какой-то знатной особы. — Госпожа Гу сегодня утром была так несправедливо обижена! Она сейчас вся в слезах, молим Ваше Высочество восстановить справедливость!

Цзян Суйчжоу замер.

— Какая еще госпожа Гу? — нахмурившись, он холодно спросил: — Что случилось?

Служанка затараторила:

— Сегодня утром, когда этот новый господин Хо переезжал во дворик, он столкнулся с моей хозяйкой. Хозяйка лишь перемолвилась с ним парой слов, а он... он поднял на неё руку! Наша госпожа ранена!

Лицо Цзян Суйчжоу, которое только-только расслабилось, начало стремительно каменеть. Он и не подозревал, что прежний принц не ограничился Хо Уцзю, и в его «заднем дворе» есть другие наложницы. И уж тем более он не ожидал, что между мужчинами и женщинами в его доме могут начаться банальные «гаремные войны».

(примечание : здесь снова используется слово обозначающее «госпожу», т.к. наш герой пока не знает о ком идёт речь, он думает что это женщина.)

<http://bllate.org/book/16965/1577765>